

V $\frac{162}{714}$

B.2

БИБЛИОТЕКА
„Изученія іудейскаго племени“.

ОРИОНЪ.

ИЗРАИЛЬ.

Второй выпускъ.

Петроградъ.

Цѣна 40 коп.

11

Оріонъ.

ИЗРАИЛЬ.

Второй выпускъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Печатня „УСЕРДІЕ“. 3-я Рожд., 16.

1916.

Печ. Воен. Ценз. дозволено 3 сентября 1916 г.

2007053234

Предисловіе ко 2-му выпуску.

Въ отвѣтъ на первый выпускъ моихъ рассказовъ я получилъ и до сихъ поръ продолжаю получать любопытныя письма, частью благодарственныя, частью ругательныя (жестоко ругательныя!), частью недоумѣнныя. На письма двухъ первыхъ категорій отвѣчать мнѣ нечего, кромѣ почтительнаго поклона, — ибо ясно, что мои интимные рассказы въ этомъ направленіи попали въ цѣль.

Что же касается писемъ, въ которыхъ выражается недоумѣніе, — зачѣмъ я извлекаю со дна помойной ямы талмудизма всякую нечисть израильскую? — то здѣсь я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ дать слѣдующія необходимыя разъясненія.

Россійскій обыватель, начиная съ крестьянина, лавочника, писаря, конторщика и кончая представителями „свободныхъ профессій“ — докторами, адвокатами, журналистами, биржевиками и „альфонсами“, очень мало знаютъ о *жидовствѣ* вообще, хотя съ жидами всѣмъ этимъ господамъ приходится вести тѣсныя сношенія, нерѣдко подвергаясь жидовскому шантажу и ядовитой жидовской лести, нерѣдко попадаясь въ цѣпкія силки жидовскихъ вѣкселей, вѣнчающихъ жизненный путь несчастной жертвы позоромъ и преступленіемъ. Сколько погибло легковѣрныхъ, податливыхъ гоевскихъ душъ въ предательскихъ объятіяхъ сіонскаго бѣса!..

Всѣ знаютъ, что жидаы — мошенники, но мошенники высшей марки, сильные и опасные; всѣ знаютъ, что жидаы — величайшіе лицемеры, лжецы, стервятники и подстрекатели, ловкіе, скользкіе и гибкіе, безсовѣстные, геніально наглые и удивительно спокойные. У нихъ для

достиженія какой-нибудь цѣли всѣ средства не только хороши, но и праведны. Передъ глазами своей совѣсти *всѣ* ихъ дѣянія угодны и пріятны Ягвѣ, богу израильскому.

Въ чемъ же разгадка этихъ въ своемъ родѣ феноменальныхъ свойствъ жидовской психологіи?—Въ своеобразныхъ жидовскихъ религіозныхъ догматахъ, разлитыхъ въ такъ называемыхъ священныхъ израильскихъ книгахъ (библя) и сгущенныхъ въ талмудѣ. Страницы этого талмуда я и раскрываю передъ своими читателями, чтобы они знали то, что необходимо знать въ борьбѣ съ жидовствомъ.

Итакъ, умывши руки, зажжемъ свѣтильники!..

Оріонъ.

О ТРЕХЪ ВЕЩАХЪ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ лѣтнихъ дней почтенное семейство Марголисъ съ молодой парой влюбленныхъ супруговъ Дункелевичъ рѣшили устроить маленькую прогулку куда-нибудь за-городъ: подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть, какъ въ лѣсу растутъ большія деревья.

Составилась довольно большая компанія. У красиваго старика съ ветхозавѣтной бородой, Моисея Абрамовича Марголиса и его не въ мѣру полной супруги, Ревекки Гиршовны, были два сына, Борухъ и Ельяшъ, и три милыхъ дочери — Берта, Розалія и Ида. Боруху шель уже тридцатый годъ, а Ельяшу двадцать восьмой, оба они помогали отцу въ его портнявскомъ дѣлѣ по закупкѣ матеріала и кройкѣ платья своимъ постояннымъ и случайнымъ кліентамъ. Судьба Боруха была неудачная, — онъ рано женился и скоро овдовѣлъ. Сердечный ударъ сильно повліялъ на настроеніе Боруха и онъ за послѣдніе годы все чаще и чаще сталъ задумываться надъ религіозными вопросами и искать въ нихъ отдохновения. Старикъ, наблюдая за Борухомъ такую наклонность къ религіозной сосредоточенности, радовался въ душѣ и незамѣтно для сына сталъ подготавливать его къ духовному званію. Онъ время отъ времени давалъ Боруху нѣкоторыя священныя книги іудейскія, даже иногда читалъ съ нимъ по нѣсколько главъ и толковалъ ему болѣе сложныя мѣста. Борухъ втягивался въ изученіе книжной жидовской мудрости, — и старикъ Моисей не разъ уже говаривалъ

въ синагогѣ своимъ друзьямъ, что скоро его старшій сынъ пріятно удивитъ кагалъ своими познаніями въ богословной области. Онъ даже какъ-то говорилъ о Борухѣ съ главнымъ духовнымъ раввиномъ, ребби Танхумомъ, суровымъ старцемъ-законникомъ. Молча выслушалъ ребби робко улыбающагося Моисея и, когда послѣдній кончилъ свой рассказъ о наклонностяхъ своего сына къ изученію священныхъ книгъ іудейскихъ, сухо бросилъ:

— Пусть читаетъ, но не вчитывается. Пусть вчитывается, но вслухъ не произноситъ. Пусть вслухъ не произноситъ и мнѣ все сообщитъ,—я скажу когда...

И, помолчавъ, добавилъ:

— Ибо сказано: „Благословенъ создавшій человѣка съ мудростью, создавшій въ немъ отверстія и полости. Передъ престоломъ славы твоей извѣстно, что если откроется или закроется одно изъ нихъ, то невозможно устоять предъ тобою“ *).

Дочери мадамъ Марголись устроились очень хорошо. Старшая Берта вышла замужъ за Абрама Хацкелевича Дункелевича и была счастлива, какъ никто. Дункелевичъ держалъ парижскій магазинъ модныхъ дамскихъ шляпъ, которыя артистически фабриковались имъ изъ стараго хлама, по дешевкѣ скупаемаго большими партіями въ Александровскомъ рынкѣ у маклаковъ и опытныхъ торговцевъ краденымъ. Дункелевичъ по высокимъ цѣнамъ, но всегда съ уступкой—„изъ уваженія къ покупателю“, бойко торговалъ этими „только что полученными изъ Парижа шляпами“,—торговалъ не только за наличныя, но и въ кредитъ, за что довольно часто получалъ искреннюю благодарность отъ своихъ кліентокъ. Берта, съ присутствующей молодымъ женщинамъ граціей и легкимъ кокетствомъ, умѣла привлекать вниманіе покупательницъ и особенно ихъ кавалеровъ, въ большинствѣ случаевъ солидныхъ старичковъ, которые нерѣдко вмѣстѣ съ ассигнаціями совали въ руку Берты любовныя записочки. Абрамъ Хацке-

*) Трактатъ Берахотъ, листъ 60 б. Талмудъ Вавилонскій. Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ восьмой. 1906.

левичъ былъ слишкомъ благоразумнымъ человѣкомъ, чтобъ замѣчать эту невинную переписку и спрашивать жену, куда она одна уходитъ по вечерамъ гулять „для моціона“ и почему иногда возвращается домой довольно поздно. Дункелевичъ былъ человѣкъ безъ предрасудковъ. Розалія успѣшно помогала сестрѣ въ ея расторопной торговлѣ модными шляпками. Младшая Ида мѣтила въ танцовщицы, чѣмъ причиняла большое горе старикамъ, которые, однако, многое ей прощали изъ-за ея молодости. Идѣ шель всего лишь восемнадцатый годъ.

Итакъ, тѣсная компанія, захвативъ необходимый провіантъ, направилась по желѣзной дорогѣ къ ближайшей станціи и вскорѣ, не вдалекѣ отъ нея, нашла уютный уголокъ близъ гнѣющаго болота подѣ чахлымъ тростникомъ. Послѣ импровизированнаго обѣда изъ фаршированной щуки и поджаренной рѣдьки молодежь разбѣжалась за полевыми цвѣтами, а мамаша съ Бертой рѣшили пригласить. Мужчины закурили по сигарѣ и вели тихую бесѣду о воспитательномъ значеніи еврейской молитвы и высокомъ авторитетѣ священныя іудейскія книгъ, глубокой смыслъ которыхъ первенствуетъ своей мудростью.

Старикъ Марголицъ съ любовью посматривалъ на Боруха, съ ловкимъ мастерствомъ навизывавшаго тексты изъ талмуда. Его умиляли богословскія способности сына; пытливый умъ Боруха поражалъ старика своей гибкостью и удивительной способностью просто разбираться въ запутанныхъ и темныхъ вопросахъ талмудическихъ толкованій.

Вдругъ, во время бесѣды, Абрамъ Дункелевичъ, сдѣлалъ какое-то странное движеніе всѣмъ своимъ тѣломъ и, кинувъ на Боруха не менѣе странный взглядъ, спросилъ его, слегка запинаясь:

— А скажи мнѣ, Борухъ, какъ учили раввины... когда и куда можно... испражняться... чтобъ сохранить при этомъ благопристойность честнаго еврея?..

Борухъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Дункелевича потомъ сосредоточенно почесалъ бороду и, немного подумавъ, произнесъ:

— Раввины учили:— „въ Иудеѣ нельзя испражняться къ востоку и западу, а только къ сѣверу и югу, а въ Галилеѣ къ сѣверу и югу воспрещается“...²⁾

Старикъ Марголисъ, бросивъ влюбленный взглядъ на Боруха, тихо замѣтилъ, обращаясь къ Дункелевичу:

— Сынъ мой правильно говоритъ: наши мудрецы именно такъ учили; но есть толкованіе ребби Иосе, очень умнаго человѣка, который дозволяетъ то, что запрещаютъ раввины, и наоборотъ.

— Какъ же быть? — нетерпѣливо спросилъ Дункелевичъ и еще разъ перемѣнилъ позу.— Борухъ, разъясни, найди выходъ, укажи, какъ поступить правильно, по закону,—такъ чтобы угодно было нашему богу?..

Борухъ молчалъ. Его самого беспокоилъ этотъ вопросъ, особенно послѣ обѣда изъ фаршированной щуки, доброкачественность которой оказалась,—увы! сомнительной.

Свернувшись калачемъ и подтянувъ животъ свой, насколько это можно было сдѣлать, онъ хранилъ упорное молчаніе, боясь произнести хотя бы одно слово, ибо чувствовалъ, что это слово будетъ непременно глупымъ. Какъ нарочно изъ головы Боруха въ этотъ моментъ вылетѣлъ весь талмудъ со всѣми его мудрыми рѣшеніями важныхъ житейскихъ вопросовъ.

Его выручилъ отецъ.

— Ты не удивляйся, Абрамъ, что мой Борухъ молчитъ: онъ думаетъ и думаетъ за всѣхъ насъ!.. Пусть себѣ мыслить... А пока я расскажу вамъ одинъ библейскій случай, который имѣетъ точное отношеніе къ поднятому тобою, Абрамъ, вопросу. Такъ вотъ слушайте.

Старикъ раскурилъ потухшую сигару и, пососавъ ее, началъ:

— Однажды, рассказываетъ ребби Акиба, я вошелъ за ребби Нааномъ въ отхожее мѣсто и научился у него *тремъ вещамъ*: я узналъ, что не обращаются къ востоку и западу, а только къ сѣверу и югу; я узналъ, что не оголяются стоя, а только сидя; и узналъ, что не обти-

²⁾ Тр. Берахотъ, листъ 61б.

раются правой рукой, а только лѣвой³⁾. Когда же Бенъ Аззай замѣтилъ ему, какъ онъ такую дерзость позволилъ себѣ по отношенію къ своему учителю, тотъ отвѣчалъ: „это—наука, и я обязанъ учиться⁴⁾“.

Абрамъ Дункелевичъ и Борухъ, оба блѣдныя, съ закрытыми глазами, тяжело дышали, уткнувшись лицомъ въ траву и тихо покачиваясь. У обоихъ не хватило силъ прервать назидательный библейскій разсказъ, въ которомъ было столько простоты и нравственнаго совершенства!. Воздавая хвалу своему Ягве, они думали лишь объ одномъ, какое бы придумать жесточайшее проклятiе той н'уцѣ, которая заставляетъ ихъ такъ страдать.

Понявъ по своему сосредоточенное молчаніе слушателей, Моисей, довольный своею начитанностью, продолжалъ:

— А есть и еще случай, прислушаться къ которому, особенно нашей молодежи, прямо необходимо. Въ немъ болѣе чѣмъ ярко выступаетъ глубина еврейской мудрости, все принимающая во вниманіе въ цѣляхъ познанія. О, если бы гои знали всѣ наши познанія, весь кодексъ нашей просвѣщенной мудрости, нашей совершеннѣйшей морали,—они бы съ ума сошли!. Да и намъ бы не сдобровать!..

Послѣднюю фразу Моисей произнесъ, однако, тихо.

— Такъ вотъ, дѣтки, однажды ребби Кагана легъ подъ кровать Рава и слышалъ, какъ тотъ сначала разговаривалъ съ женой и шутилъ, а потомъ имѣлъ сношеніе. И ребби Кагана сказалъ Равѣ: — „какъ будто ротъ Аббы не хлебалъ варенаго“. Другими словами говоря, Капана намекнулъ Равѣ, что онъ слишкомъ торопится. На это Рава сказалъ: „Кагана, ты тутъ? Выходи, ибо это неприлично“. Тотъ отвѣчалъ: „это наука и я обязанъ учиться“.

Видя, что Борухъ съ Абрамомъ и дремавшій Ельяшъ продолжаютъ молчать, Моисей воодушевился и опять заговорилъ:

3) Дерехъ Эрецъ Рабба, гл. VII. 4) Тр. Берахотъ, л. 62б.

— Есть еще поучительный случай, относительно того, какъ надо вести себя въ отхожемъ мѣстѣ, чтобы гарантировать себя отъ *трехъ вещей*: отъ змѣй, скорпионовъ и злыхъ духовъ. Здѣсь наше священное писаніе рекомендуетъ три средства, — прежде всего, благопристойность, затѣмъ молчаніе и, наконецъ, молитву. А вотъ, напри- мѣръ, мать ребби Аббаи взростила для него овцу, кото- рая ходила съ нимъ въ отхожее мѣсто. Почему именно овцу, а не козленка? Потому что козелъ именуется въ нашемъ писаніи *сауръ* ⁵⁾, какъ и бѣсъ отхожаго мѣста, и одинъ *сауръ* замѣнится другимъ. Это тоже, дѣти мои, мудрое средство, пренебрегать которымъ не слѣдуетъ... А тому Равѣ, о которомъ я уже говорилъ сегодня, раньше чѣмъ онъ сталъ главою академіи, его жена, дочь ребби Хисды, гремѣла орѣхомъ въ кувшинѣ, чтобы отго- нять змѣй, скорпионовъ и духовъ. Послѣ же того, какъ онъ сталъ главою школы, она сдѣлала стверстіе въ стѣнѣ вужника и влала ему руку на голову ⁶⁾.

Помолчавъ немного и видимо что-то припоминая, Мойсей добавилъ:

— Улла еще говорить, что позади ограды озорж- няются тутъ же, а въ открытомъ полѣ удаляются на такое разстояніе, чтобы товарищъ не слыхаль... чиханія...

Не успѣлъ старикъ произнести послѣднее слово, какъ Борухъ украдкой посмотрѣлъ на Дункелевича и, поймавъ его такой же осторожный взглядъ, тихо спросилъ:

— Ты слыхаль что нибудь?

— Ничего...

— И я тоже, — облегченно вздохнулъ Борухъ и уже громко произнесъ, — значить, все мы сдѣлали благо- пристойно!..

— Что, Борухъ, ты тамъ говоришь? — съ легкимъ удивленіемъ обратился къ нему Мойсей, — о какой благо- пристойности?

— Ты ничего не слыхаль, отецъ, во время своихъ поученій?

⁵⁾ Курсивъ талмуда. ⁶⁾ Тр. Берахотъ, л. 62б).

— Ничего—медленно проговорилъ старикъ и приподнялъ, недоумѣвая, свои сѣдыя, нависшія брови. Но, потянувъ воздухъ, онъ вдругъ какъ то согнулся и вдохновенный блескъ потухъ въ его глазахъ.

Посмотрѣвъ на женщинъ, Борухъ замѣтилъ, что онѣ не спятъ и о чемъ то разговариваютъ.

— Берта и мама,—обращаясь къ нимъ, проговорилъ Борухъ, — пройдите-ка куда-нибудь, — оставьте насъ здѣсь на одну минуточку однихъ. Намъ нужно... туалетъ свой справить, и не мѣшайте намъ.

Взглядъ Боруха настолько былъ выразителенъ, что женщины безъ слова поднялись и вскорѣ скрылись за кустами.

Облегченно вздохнувъ, Дункелевичъ широко улыбнулся и лукаво посмотрѣлъ на Боруха, настроеніе котораго рѣзко измѣнилось. Борухъ вдругъ захохоталъ и, пожимая руку своему товарищу по несчастью, Дункелевичу, весело проговорилъ:

— А что, хорошо теперь, легко?!..

Возвращалась компанія въ хорошемъ расположеніи духа. Даже нахмурившійся подъ конецъ вечера Моисей Абрамовичъ Марголисъ повеселѣлъ и подъ убажкивающее постукиваніе колесъ тихо мурлыкалъ одно священное четырехстишіе на мотивъ изъ „Гейши“:

— И сказалъ ему ребби Нахманъ:—благопристойнымъ ⁷⁾ именуется лишь тотъ, кто благопристоенъ въ отхожемъ мѣствѣ“.

А Ида вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ельяшемъ, какъ бы въ тонъ отцу, подпѣвала:

Всѣмъ полезны, всѣмъ пріятны
Поцѣлуй, ахъ! поцѣлуй...

7) Цануа.

The first part of the report is devoted to a general
 description of the country and its resources. It
 is followed by a detailed account of the
 various districts and their respective
 characteristics. The report concludes with
 a summary of the findings and a list of
 references.

The second part of the report is devoted to a
 detailed description of the various districts
 and their respective characteristics. It
 is followed by a summary of the findings
 and a list of references.

The third part of the report is devoted to a
 detailed description of the various districts
 and their respective characteristics. It
 is followed by a summary of the findings
 and a list of references.

Философія о жидахъ.

Теплая, небольшая компанія старыхъ и вѣрныхъ друзей послѣ скромнаго, но сытнаго, обѣда перебралась въ согрего изъ столовой въ рабочій уютный кабинетъ хозяина и предалась тому легкому, добродушному, полулѣнивому, полу-дремотному кейфу, который такъ всегда мягко и обольстительно располагаетъ къ витанію въ имперіяхъ, въ заоблачныхъ высяхъ несбывающихся мечтаній и ласкающихъ грезъ.

Друзья размѣстились кто на оттоманкѣ, широкой и упругой, кто въ глубокихъ низкихъ креслахъ, которыя пододвинули ближе къ пылающему камину, и закурили.

Густыя сумерки поздней петроградской осени съ ея снѣгомъ и вѣчнымъ, пронизывающимъ, мелкимъ, надоедливымъ дождемъ ползли изъ оконъ причудливыми тѣнями, крались по полу, пугливо прятались въ углахъ, смотрѣли оттуда темными, мрачными призраками, боясь нарушить игру смѣющагося въ каминѣ огня, который, безопасно рѣзаясь, то дробно, задорно трещалъ, то, вдругъ всколыхнувшись, металъ длинные, ослѣпительно свѣтящіеся языки—и жуткимъ, мгновеннымъ заревомъ капризныхъ бликовъ озарялъ молчаливья, узорчатя стѣны кабинета.

— Опустимъ шторы, зажжемъ огни,—приподымаясь съ кресла, проговорилъ хозяинъ дома, Михаилъ Николаевичъ Спасскій, средняго роста худошавый брюнетъ съ энергичными чертами лица, нѣсколько смахивающими на типъ Мефистофеля.

— Шторы спустить можно, а вотъ огни зажигать не стоитъ... Такъ уютнѣе здѣсь, какъ-то теплѣе, интимнѣе,—замѣтилъ Тимофей Ильичъ, высокій плечистый блондинъ, художникъ-журналистъ.

— Ну, какъ хотите, — одергивая занавѣсы у оконъ, бросилъ Спасскій.

— Нѣтъ, а вы вотъ что скажите мнѣ, господа, — обращаясь ко всѣмъ и ни къ кому въ отдѣльности, проговорилъ коренастый помѣщикъ-малороссъ изъ Черниговской губерніи, Александръ Евгеньевичъ Броварскій, — скажите, будемъ разсуждать отвлеченно, какъ по вашему мнѣнію, жида, пріятели наши, достигнуть своей конечной дѣли, удастся имъ разрушить всѣ гоевскія царства и на ихъ развалинахъ построить свое собственное?..

— Ну, это дудки, — разсмѣялся художникъ.

— Правда, вопросъ какъ будто бы и смѣшной, — задумчиво произнесъ Спасскій. Разрушать и созидать — слишкомъ уже громкія для жида слова... Тѣмъ не менѣе съ фактами считаться надо, ихъ не перепрыгнешь и не скроешь... Что жида стремятся къ порабощенію міра, а вмѣстѣ съ нимъ и всего человѣчества, это несомнѣнно такъ же, какъ то, что сейчасъ вечеръ, а не утро.

— Мало-ли къ чему жида стремятся, — замѣтилъ съ усмѣшкой поэтъ-сатирикъ Марковскій. Это еще ничего не значить...

— Нѣтъ, очень много значить. Жида не только стремятся, но и достигаютъ... Вамъ всѣмъ прекрасно извѣстно, чего они уже достигли, они — патентованные мошенники съ ихъ зарегистрированной моралью арестантскихъ ротъ! Они достигли захвата въ свои грязныя руки если не всего, то очень многого. Жидовское засиліе мы наблюдаемъ въ торговлѣ, въ финансовомъ мірѣ, въ литературѣ, въ такъ называемыхъ свободныхъ профессіяхъ, въ наукѣ. Жида присосались буеважно ко всему, чѣмъ держится и строится жизнь государства, — и все они загрязняютъ, портятъ, искажаютъ, протитутуютъ, чтобы въ концѣ концовъ сказать гоямъ: — смотрите, моль, какъ у насъ все будетъ хорошо — покоритесь намъ! Чтобы въ концѣ-концовъ обезсилить гоевъ, чтобы у гоевъ руки опустились, чтобы вырвать у нихъ, измученныхъ и униженныхъ, вопль: да, израиль, ты побѣдилъ насъ, ты, только ты, израиль, умѣешь строить жизнь; посему владѣй нами, дай намъ

вдохнуть отъ взаимоистребленія, отъ разрухи, отъ нашихъ неурядиць!..

Броварскій взволнованно закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Замѣтите, вся дѣятельность жидовства направлена, именно, въ эту сторону, въ сторону обезсиливанія арійскаго міра. Прежде всего жида постоянно натравляютъ одинъ арійскій народъ на другой, искусными интригами доводятъ дѣло до войны, которая разоряетъ даже тѣхъ, кто ее выигрываетъ. Далѣе, жида вслѣдствіе опутываютъ насъ долгами. Затѣмъ, вторгнувшись въ нашу литературу, политику и науку, они вносятъ и въ то и въ другое губительный духъ раздора и разъединенія, духъ мелкаго, узкоматеріальнаго разчета, личныхъ выгодъ и полнаго равнодушія къ государственнымъ интересамъ нашей родины. Мы начинаемъ больше интересоваться жидомъ Карломъ Марксомъ, чѣмъ судьбами Православной Церкви... Они всюду среди насъ. Создаютъ разногласіе, разбиваютъ наше Русское общество на партіи, на союзы, на кружки, ссорятъ всѣ эти партіи и кружки между собою. Вносятъ въ понятія противорѣчія, различныя мнѣнія, чѣмъ сбиваютъ нашъ ходъ мыслей. И мы начинаемъ говорить на разныхъ языкахъ, мы начинаемъ не понимать другъ друга и ненавидѣть... И это вездѣ,—въ литературѣ, въ наукѣ, въ торговлѣ. Вездѣ жида насъ разъединяютъ, вездѣ они насъ ссорятъ между собою и тѣмъ, конечно, сильно обезсиливаютъ насъ. А отъ этого постояннаго, хроническаго обезсиливанія, отъ этого кошмарнаго сознанія, что между каждымъ изъ насъ воздвигнута непреодолимая стѣна, недалеко и до отчаянія, до того сладкаго для израиля момента, когда мы въ отчаяніи должны будемъ воскликнуть: да, израиль, ты побѣдилъ насъ!..

На минуту воцарилось тяжкое молчаніе.

— Вы ужъ слишкомъ мрачно смотрите на вещи,—проговорилъ художникъ,—и при этомъ совершенно упускаете изъ вида одно чрезвычайно серьезное обстоятельство. Это—народная психологія и народное, инстинктивное, стихійное самосохраненіе. По крайней мѣрѣ въ борьбѣ

съ русскимъ народомъ у израиля мало шансовъ на побѣду...

— Въ томъ то и бѣда наша, Тимофей Лукичъ, — замѣтилъ Спасскій, — что народъ русскій не какое-нибудь кочевое племя, а осѣдлый, имѣетъ свое государство, которымъ управляютъ министры, директора, чиновники, вообще личности, сегодня одни, а завтра другіе, сегодня хорошіе, а завтра плохіе.

— А Царь?!

— Правильно, — значить дѣло не только въ одной психологіи русскаго народа, но и въ единеніи Царя съ народомъ, въ единеніи фактическомъ, подлинномъ, въ такомъ единеніи, гдѣ бы голосъ Царя цѣликомъ сливался съ голосомъ народа, ибо ихъ общее желаніе, ихъ одна дума и воля есть тотъ гласъ Божій, который стихіенъ и несокрушимъ.

— Да, но такое единеніе—идеаль, къ которому жида насъ не допустятъ. Жида нынѣ слишкомъ сильны, чтобы постоянно разъединять насъ, отдѣлять насъ другъ отъ друга, отвлекать наше вниманіе на разные предметы, въ разные стороны. Не зря они всѣхъ насъ заразили узкимъ политиканствомъ!..

Горькая улыбка скользнула по нѣсколько суровому лицу Браварскаго и неподвижно застыла въ уголкахъ рта, подъ длинными сѣдѣющими, чуть вьющимися усами.

— Да, если бы мы были помоложе. — замѣтилъ художникъ, — мы возмутились бы вашей фразой, Александръ Евгеніевичъ, какъ это такъ жида не допустятъ насъ?! Но—увы! мы слишкомъ въ курсѣ дѣла, чтобы возмущаться.

— Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что мы немного увлекаемся этимъ всеиліемъ жидовства, — проговорилъ Спасскій. Вѣдь жида сильны и будутъ сильными до тѣхъ поръ, пока мы не разгонимъ, не разсѣемъ гипнотизирующія чары сіонскаго бѣса... Нашу, съ позволенія сказать, интеллигенцію и бюрократическую рать чиновниковъ надо оставить въ покоѣ. Здѣсь дѣло безнадежно, — этихъ господъ слишкомъ сильно захлестнула волна ожидовленія.

Необходимо обратить вниманіе на толпу народную, которая еще, слава Богу, сохранила въ полной чистотѣ свою душу арійскую, а вмѣстѣ съ нею и свою органическую неприязнь къ жидовству, какъ къ своему исконному, тайному, лукавому врагу. Вотъ если съ этихъ низовъ народныхъ подыметя волна освобожденія Россіи отъ рокового засилія жидовскаго, здѣсь израиль дрогнетъ. Его тогда не спасутъ никакіе чиновники, никакая интеллигенція, какъ бы всѣ они ни были развращены, обезличены и осѣдланы жидовствомъ... Только чернымъ народомъ, только мужиками отъ сохи, беззавѣтно преданными Царю, сильна Святая Русь и только этой многомилліонной, вѣрно-подданной ратью можетъ быть спасена наша Державная Родина отъ предательской петли жидовской!..

— Неужели вы думаете, что жида не учитываютъ этого обстоятельства.—замѣтилъ Марковскій. Жида всегда ѣ во всемъ на-чеку!..

— Несомнѣнно, жида прекрасно знаютъ, какой страшной опасности они подвергаются со стороны низовъ народныхъ,—отвѣтилъ за Спасскаго черниговскій помѣщикъ, —и въ этомъ направленіи они принимаютъ свои мѣры. Ихъ первая и самая радикальная мѣра это, какъ я уже говорилъ, война. Война больше чѣмъ что-либо изнуряетъ народъ, обезсиливаетъ, разоряетъ его. А жидамъ это и важно: не только стравить народы между собою, не только поссорить ихъ, но и довести ихъ ссору до кровопролитія. Возьмите хотя бы настоящую войну. Почему Германія, сражаясь на четыре фронта противъ трехъ сильнѣйшихъ государствъ въ Европѣ, до сихъ поръ еще сильна и оружія слагать своего не собирается? Вы думаете отъ того, что она сорокъ лѣтъ готовилась къ этой войнѣ, что она дивно и ночью воспитывала свой народъ къ этой бойнѣ? Не совсѣмъ такъ: Вильгельмъ II силенъ исключительно благодаря поддержкѣ жидовства. Если бы жили отказали ему въ кредитъ, если бы жида чормозили нѣмецкую торговлю и промышленность, если бы жида путемъ своихъ тонкихъ и хитрыхъ интригъ разстраивали спокойный ходъ государственной жизни Германіи, —

повѣрьте, Вильгельмъ II потерпѣлъ бы пораженіе на первомъ же мѣсяцѣ войны. Въ томъ то и дѣло, что жида на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій всячески способствовали нѣмцамъ какъ слѣдуетъ вооружиться и всѣмъ необходимымъ для войны запастись, ибо очередная европейская война входила въ планы жидовства, какъ лучшее наивѣрнѣйшее средство обезсиливанія арійскаго міра. И теперь посмотрите, какъ Вильгельмъ соритъ деньгами. Онъ ссужаетъ золотомъ Турцію, онъ ссужаетъ золотомъ Болгарію и подбадриваетъ этимъ золотомъ Франца-Иосифа. А сколько золота уходитъ на шпионажъ, на подкупъ, на покупку черезъ третьи руки съѣстныхъ припасовъ изъ „нейтральныхъ“ странъ... На все хватаетъ золота, не смотря на полный крахъ германской промышленности, на отсутствіе вывоза своего товара за границу. Ясно, что все это золото—жидовское.

— Неужели жида думаютъ, что Германія побѣдитъ?— бросилъ художникъ.

— Жида гораздо умнѣе, чѣмъ вы думаете, Тимофей Лукичъ,—проговорилъ Броварскій. Жидамъ въ высшей степени наплевать, кто кого побѣдитъ. Жидамъ важенъ конечный результатъ настоящей войны: истощеніе арійцевъ.

— Мнѣ кажется, — усмѣхнулся Спасскій, — что ваша общая фраза „истощеніе арійцевъ“ имѣетъ болѣе спеціальное значеніе: истощеніе Россіи.

— Совершенно правильно, — поддержалъ художникъ, — истощать жидамъ Францію нечего, она давно и такъ ими истощена и подчинена израилю всецѣло. Объ Англіи жидамъ тоже хлопотать много не приходится, — тамъ они прочно сидятъ, какъ дома. Что касается Италіи, то о ней можно сказать то же, что и о Франціи. Только одна еще Россія осталась не поставленной на колѣни передъ торжествующимъ Іудой.

— Если жида не поперхнутся Россіей, міръ полностью будетъ закабаленъ жидовствомъ, — тихо бросилъ Марковскій и усиленно задымилъ папирсой.

— Для меня этотъ вопросъ ясенъ,—протянулъ задумчиво Броварскій, — не поперхнуться жида не могутъ, ибо неизбѣжное неизбѣжно. А мы знаемъ, что израилю, какъ онъ ни вертись, послѣдняго „исхода“ не избѣжать. Фатальный ростъ антисемитизма за послѣднее время опредѣленно указываетъ, что желаніе жидовства осѣдлать Россію, подогнать ее подъ себя послужитъ гибелью для него. И это жида уже сознаютъ, ибо чувствуютъ, какъ та плоскость, на которой они стоятъ, поддалась и начинается съ одной стороны клониться все ниже и ниже...

— Да, господа,—проговорилъ Спасскій,—будущее сокрыто отъ человѣчества, но иногда пытливому уму, по крайней мѣрѣ, арійскому уму удается протянуть ту тонкую, незримую логическую ниточку, которая нѣсколько расширяетъ наши горизонты и даетъ возможность заглянуть впередъ. У Конфуція объ этомъ прекрасно сказано,—разскажи мнѣ твое прошлое...

— Кто жъ не знаетъ прошлаго жидовъ, того кошмарнаго прошлаго, гдѣ преступность, обманъ и предательство возведены въ культъ, гдѣ разврату и всяческону насилію поклоняются, гдѣ угрозы и лесть, шантажъ и подстрекательство такъ тонко и любовно переплетаются съ улыбающимся лицемѣріемъ, со змѣинымъ шипѣніемъ злости, со страшною местию. И все это одухотворено, овѣяно дыханіемъ самаго Ягвы—предѣла клеветы и преступленій!..

— Да, Михаилъ Николаевичъ, прошлое жидовъ ужасно во всѣхъ отношеніяхъ. И всего трагичнѣе то, что ужасъ ихъ прошлаго чертитъ неизбѣжный ужасъ ихъ будущаго. Жалкій, несчастный народъ!..

Мунуту помолчавъ, художникъ тяжело всдохнулъ и рѣзко закончилъ:

— Если слѣдовать Гете,—скажи мнѣ, чѣмъ ты занимаешься, и я скажу тебѣ, что выйдетъ изъ тебя, то обликъ жида станетъ передъ нами во весь сзой низменный, отталкивающей ростъ феноменальнаго урода растлителя.

— И сколько великаго горя принесъ этотъ растлитель челоѳической семьѳ, даже подумать страшно, — съ ноткой раздраженія въ голосѳ замѳтилъ Марковскій.

— Ахъ, да чертъ съ ними со всеѳми ихъ мерзостями, — арійцы слишкомъ великодушны, чтобъ мстить жидамъ за всеѳ ихъ прошлыя каверзы, — только бы избавиться отъ жидовства, скинуть бы ярмо жидевское. И мы будемъ удовлетворены вполне... Пусть ихъ убираются, куда хотятъ, хоть на рога своего Ягвы, и пусть они убираются скорѳе. Слишкомъ уже они все запаковостили. Въдъ, осталась еще всего одна капля, чтобы переполнить чашу народнаго терпѳвнїа. Уже теперь мы слышимъ глухїе раскаты дадвигающагося или, вѳрнѳе, поднимающагося противожидовскаго движенїа...

Изъ подъ нахмуренныхъ бровей Броварскаго метнулись двѳ острыхъ молнїи.

— Да, господа. — желая смягчить настроенїе разговора, проговорилъ Спасскїй, — много на свѳтѳ есть интересныхъ и пожалуй даже забавныхъ вещей, уникъ въ своемъ родѳ. Одной изъ такихъ интересныхъ и забавныхъ уникъ является... жидовство. Хотя оно н серьезный, и страшный, и коварный врагъ, но я всегда на него смотрю, именно, какъ на хитроумно сфабрикованнаго исторїей урода, смѳшного, трагикомическаго урода. Если онъ сейчасъ всюду пролѳзаетъ, — и прекрасно дѳлаетъ. Скажу откровенно: чѳмъ хуже, тѳмъ лучше; чѳмъ жиды сильнееѳ напрутъ на народъ, тѳмъ ближе развязка. Останется только бросить искру, хотя думаю, что и безъ нея дѳло обойдется, ибо иногда предметы накаляются до самозагоранїа. А жиды мастера накалять, — они не знаютъ предѳловъ въ своихъ домогательствахъ, и это ихъ въ концѳ-концовъ погубить.

— Амивъ, — решительно произнесъ художникъ, — довольно о жидакъ, будемъ милосердны къ этимъ несчастнымъ, дни которыхъ и безъ того сочтены...

— А если такъ, то пойдѳмте въ столовую чай пить, — предложилъ Спасскїй, — кстатъ, просмотримъ вечернюю почту...

— Что-жь, — бросилъ Броварскій, приподымась съ оттоманки, — оставимъ разговоръ о жидахъ, предадимъ забвенію философскіе споры, ибо между землею и небомъ есть такія вещи, которыхъ не въ состояніи понять не только наши „маститые профессора“ либеральнаго толка, но и самые обыкновенные жидаы.

Каминъ сухо потрескивалъ. Раскаленные угли покрывались сѣрымъ налетомъ пепла и густыми, красными, жаркими пятнами ложились на фигуры старыхъ друзей. Ровный, тихій и ясный свѣтъ отъ лампадки придавалъ мистическое настроеніе наступившей мгновенной тишинѣ.

Чемберленъ и жидаы.

Достаточно было появиться въ русской печати двумъ-тремъ горячимъ статьямъ, трактующимъ о пресловутомъ „еврейскомъ вопросѣ“, достаточно было затронуть въ нихъ расовыя особенности семитовъ, столь непривлекательныя по своимъ нравственнымъ качествамъ, чтобъ поднять на страницахъ шумныхъ жидовскихъ газетъ цѣлый гевальтъ, бѣшеный взрывъ злобы и мести.

Дѣло въ томъ, что борьба русской печати съ жидовскимъ засиліемъ за послѣднее время нѣсколько видоизмѣнилась. Когда писали о различнаго рода жидовскихъ мошенничествахъ, о злостныхъ, подстроенныхъ крахахъ, разоряющихъ русскую торговлю и промышленность, о гнусныхъ продѣлкахъ жидовъ-дантистовъ, открывающихъ въ своихъ „кабинетахъ“ тайныя дома свиданій,—когда писали о жидахъ, занимающихся сманиваніемъ и скупкою русскихъ дѣвушекъ, которыхъ они затѣмъ продавали въ турецкіе гаремы и въ вертепы разврата,—когда, наконецъ, писали, что жидаы для какихъ-то своихъ особо-важныхъ ритуальныхъ обрядовъ потребляютъ христіанскую кровь, для чего ловятъ и крадутъ христіанскихъ дѣтей и, не убивая своихъ жертвъ, медленно вытаскиваютъ изъ нихъ невинную живую кровь,—когда обо всемъ этомъ писалось, когда все это разоблачалось, жидаы лишь посмѣивались себѣ въ кулачешко, принимали оскорбленный видъ, облекались въ бѣлую тогу, причемъ одной рукой писали многоручьящія статьи, полныя „благороднаго гнѣва“, „за гнусныя инсинуаціи“ на „гонимое племя“, а другой щедро сыпали золотомъ, уснащая его чарующимъ блескомъ должествующихъ бодрствовать...

Антисемитизмъ прошлаго былъ инстинктивенъ. Русскій неиспорченный человѣкъ, сохранившій способность здраво и честно мыслить, всегда относился къ жидамъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ къ гаду, прикосновеніе котораго *поганитъ*. Не-еврей органически не могъ и не можетъ до сихъ поръ переварить жида съ его низкопробной талмудической моралью, пропитанной крайнимъ чело­вѣко­ненавистничествомъ и сухими, узко эгоистическими, материальными разсчетами бульварнаго пошиба.

Не-еврей чувствовалъ въ жидѣ своего врага, тайнаго, скрытаго, льстиваго, тонко-лицемѣрнаго, но исконнаго, неисправимаго, извѣчнаго, слѣпотаго и жестокаго врага. Этотъ инстинктъ, основанный на глубокомъ, врожденномъ чувствѣ, былъ слабымъ мѣстомъ въ борьбѣ аріицевъ съ семитами, ибо не имѣлъ подъ собою того научнаго, теоретическаго и, кромѣ того, документально неопровержимаго основанія, которое въ нашъ вѣкъ всеотрицанія служить началомъ и концомъ мірозданія.

Одного инстинкта, одного чувства антипатіи къ жидамъ было недостаточно. И торжествующій израиль кричалъ: что такое антисемитизмъ? Это выдумка черносотенцевъ! Это искусственно посеянный злостный раздоръ между аріицами и семитами; всѣ люди — люди и, слѣдовательно, всѣ равны между собою! Долой черносотенцевъ, погромщиковъ и т. д. Трусливая толпа такъ называемыхъ „интеллигентовъ“, пуще всего боящихся прослыть убѣжденно русскими людьми, поспѣшила пріобщиться къ кличѣмъ либераловъ, тѣхъ „свободомыслящихъ“ индивидовъ, которые предпочитаютъ опуститься до полной безликости, до полной атрофіи своей воли и своего ума, только бы остаться „красными“, хотя бы на словахъ, только бы поторопѣ зарекомендовать себя моднымъ прозвищемъ „прогрессиста-радикала“ и тѣмъ избавить себя отъ грязной травли жидовскихъ листовъ.

Евреи царствовали. Не отличаешь умомъ, чуждые какой бы то ни было цивилизации, откровенно презирающіе все праведное и возвышенное въ жизни, не понимающіе и потому схайвающіе великія идеи государственности и

религія, умѣющіе лишь протитутуровать идеалы благого, заниматься плагіатомъ и искаженіемъ чужого, да запугивать малодушныхъ и мягкотѣлыхъ, легковѣрныхъ людей (помните у Тургенева: жнтье дуракамъ между трусами!), сыны израилевы были спокойны. Фабрикуемое ими „общественное мнѣніе“ цѣпко держало въ своихъ рукахъ толпу и, пользуясь ея безграмотностью, полнымъ невѣжествомъ въ еврейскомъ вопросѣ“, направляло ее по желательному руслу „гуманитарныхъ взглядовъ“. А такъ какъ эта толпа ничего не хотѣла знать или, вѣрнѣе, боялась смѣть свое сужденіе имѣть, то она весьма охотно вѣрила всему, что навязывали ей жидаы.

Такъ было. И борьба съ жидовствомъ тормозилась. Но вотъ, въ русской печати прозвучали новыя нотки, подчеркивающія весьма нежелательное для израиля явленіе. Жидовство стали *изучать*. Стали не только констатировать гнусность и низкопробность талмудической морали, оправдывающей всякій развратъ и любое преступленіе, но и доискиваться причинъ: почему жидаы столь паразитны, столь отталкивающи по своимъ нравственнымъ качествамъ; почему ихъ сердце не знаетъ духовной, идеальной любви; почему оно слѣпо къ добру; почему народъ израильскій такъ безсиленъ талантами и духовно нищъ; почему онъ въ искусствѣ можетъ только повторять, подражать, искажать, но создавать изящныя произведенія, творить — онъ не можетъ; почему жидовство проявляетъ непримиримую вражду противъ всѣхъ націй, будучи всегда жаднымъ къ чужой собственности, всегда варварскимъ, пресмыкающимся въ несчастіи и дерзкимъ въ благоденствіи, безчеловѣчно жестокимъ при успѣхахъ своихъ надъ не-еврействомъ и, наконецъ, почему оно, не смотря на всю эту низость своей талмудической морали, все таки „верховодитъ“, крѣпко держитъ въ своихъ предательскихъ объятіяхъ не-еврейскій міръ, простирая свое роковое, какъ матеріальное, такъ и духовное засиліе до безконечности? Почему?! Бросились къ документамъ, въ книжныя магазины, букинистамъ, въ библіотеки. Заработалъ пытливый умъ, — вновь внимательно перечитывались капиталныя труды выдающихся мыслите-

лей, философовъ, ученыхъ. Вновь страницу за страницей стали перелистывать Вагнера, Вольтера, Гердера, Гете, Дени, Эдуарда Дрюмона, Дюринга, Эмиля Золя, Фр. Кольба, проф. П. И. Ковалевского, проф. Делича, Гуастона Стюарта Чемберлена... Заглянули въ библию, раскрыли талмудъ, кропотливо и внимательно изучили его каждый трактатъ. И на туманномъ горизонтѣ нашей обыденщины вспыхнула яркая заря *обоснованнаго антисемитизма*, того противожидовскаго движенія, которое разомъ освѣтило свѣтомъ познанія все то, что раньше истинетивно чувствовалось сердцемъ и душою. Аріецъ нынѣ не только повялъ сердцемъ своимъ, но и узналъ умомъ своимъ причины своей давней, прирожденной, органической, вполне естественной антипатіи къ жидовству.

Израиль веполошился. Онъ и увидѣлъ и почувствовалъ, что арійцы разгадали причины несчастій человѣчества, что они нашли ключъ порабошенія жидовствомъ всего не-еврейскаго міра, что они познали тѣ слабыя стороны израиля, которыя такъ долго и такъ старательно скрывались отъ взоровъ человѣчества. Жилы поняли, что развивающійся на новыхъ началахъ антисемитизмъ грозитъ всколыхнуть всю человѣческую семью со всѣми роковыми для израиля послѣдствіями.

Жидовство рѣшило защищаться, ожесточенно, упорно, зло, по обыкновенію, не разбирая средствъ. Въ первую голову имъ необходимо развѣнчать, охаять, грязью забросать высокіе авторитеты великихъ мыслителей, западно-европейскихъ и русскихъ, тѣхъ самыхъ, которые осмѣлились имѣть свое сужденіе, искреннее и безпристрастное, дающее вѣрную характеристику жидовства и вѣрную оцѣнку ихъ талмудической морали.

Принялись за Чемберлена, какъ за одного изъ выдающихся англійскихъ ученыхъ, положившаго начало современнаго строго обоснованнаго антисемитизма. Авторитетъ Чемберлена міровой: поэтому необходимо его оплевать, чтобъ задуть научный антисемитизмъ, провѣренный, взвѣшенный, доказанный и оправданный.

Сперва въ „Рѣчи“ жидъ Любошиць, а затѣмъ и въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ жидъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ „Лукіанъ“, дѣлають противъ Чемберлена гнусный выпадъ, стараясь убѣдить своихъ читателей, будто бы этотъ англійскій ученый по происхожденію своему нѣмецъ и что зовуть его Хаустономъ. Что за мерзкая ложь! Чемберленъ — коренной анличанинъ и по происхожденію, и по уму, и по складу своего выдержаннаго характера, и по своимъ строгимъ, серьезнымъ взглядамъ истиннаго джентльмена мысли и слова. Полное и подлинное имя Чемберлена не Хаустонъ, какъ нагло врутъ жиды, а *Гаустонъ Стюартъ Чемберленъ*. Чисто англійское имя.

Далѣе жидъ Лукіанъ дѣлаегъ рядъ возмутительнѣйшихъ подтасовокъ и лжетъ безбожно. Въ своей пасквильной статьѣ — „Made in Germania“ (см. „Бирж. Вѣд.“ № 15.133, утр. вып.) онъ пишетъ, будто бы Чемберленъ въ своей книгѣ („Евреи“) проводитъ идею германской избранности, будто бы онъ семитовъ и славяно-монголовъ причисляетъ къ низшимъ расамъ. Чертъ знаетъ, какая клевета! Да ничего подобнаго, никогда и нигдѣ этого Чемберленъ не писалъ. Въ его трудахъ нѣтъ ни „германцевъ“, ни „славянъ“, ни „романовъ“, у него фигурируютъ всего лишь два понятія: „арійцы“ и „семиты“, причемъ первыхъ, дѣйствительно, Чемберленъ относитъ къ высшей расѣ, а вторыхъ къ низшей, и доказываетъ, почему это онъ такъ дѣлаегъ. Его доказательства убійственны для жидовъ. Читатель ясно понимаетъ, къ чему гнетъ Лукіанъ. Если этому жиду и ему подобнымъ удастся вдолбить въ русскую голову, что Чемберленъ — нѣмецъ и что онъ идеализировалъ нѣмцевъ и попираетъ славянъ вмѣстѣ съ семитами, то міровой, свѣтлый авторитетъ Чемберлена будетъ поколебленъ и сила развивающагося антисемитизма будетъ ослаблена. Напрасныя старанія! Статья Лукіана только укрѣпляетъ антисемитовъ и еще ярче озаряетъ незыблемый авторитетъ Чемберлена. Разъ жиды ругаютъ и охаваютъ этого выдающагося

ученаго, значить, послѣдній правъ; возвышая арійцевъ надъ семитами.

Далѣе Лукіанъ договаривается до явной безмыслицы. Онъ пишетъ, будто бы антисемитизмъ есть германское изобрѣтеніе, будто бы онъ тамъ родился. Что за дикость! Еще Гомеръ пѣлъ задолго до Рождества Христова: „еврейскій народъ—обманщикъ коварный, злой казнодѣй, отъ котораго много людей пострадало“. За цѣлое столѣтіе до Чемберлена Вольтеръ писалъ: „евреи—это самое гнусное племя, которое когда либо загрязняло землю, евреи—самая постыдная и самая ненавистная изъ всѣхъ мелкихъ націй“. А Дени, а Эмиль Зола? Неужели и они были нѣмцами!?. Вѣдь этакъ и Христа, выгоняющаго съ вервиемъ въ рукахъ изъ храма жидовъ-ростовщиковъ, Лукіанъ скоро причислить къ нѣмцамъ?

Антисемитизмъ родился давно, въ глубокой древности. Его происхожденіе теряется среди вавилонскихъ холмовъ, въ Египтъ, въ Индію, за много тысячелѣтій до появленія Спасителя. Антисемитизмъ родился вмѣстѣ съ первыми зачатками жидовскаго засилья, ибо жидовское засилье причина возникновенія антисемитизма.

И въ славянство Лукіанъ бросаетъ увѣсистый комъ грязи. Не пощажены такіе свѣтлые, безупречные идеалисты-патріоты, какъ Константинъ Леонтьевъ, Катковъ и прочіе апостолы святыхъ идеаловъ русской государственности. Разошедшійся жидъ, не зная предѣла своей разнузданности и наглости, гнусно заявляетъ, что и въ нашемъ славянофильствѣ, несомнѣнно, также эта печать „made in Germania“. Какъ опредѣлить эту степень безстыднѣйшаго нахальства, я затрудняюсь. Могу лишь лишній разъ подтвердить, что жида въ возведеніи клеветы, наглѣйшей клеветы и въ охаиваніи негодныхъ имъ людей не имѣютъ себѣ равныхъ. Они, будучи прирожденными шантажистами, стервятникамъ, измѣнниками и преступниками, представляютъ собою классическіе образцы разбойниковъ пера и наглецовъ. Возвращаясь къ Чемберлену, Лукіанъ увѣряетъ своихъ читателей, будто бы ученіе Чемберлена *должно быть органически враждебно всякому*

русскому. Очередная дивность и наглость! Ужь не изъ за того ли русскій человекъ долженъ враждебно относиться къ ученію Чемберлена, что этотъ великій англійскій ученый арійскую расу, талантливую и благородную, ставитъ выше семитической, вырождающейся, крайне развратной и глубоко преступной?! Господинъ Лукіанъ ошибается: ученіе Чемберлена является общеміровымъ, общенароднымъ достояніемъ, оно должно быть и есть органически родное, близкое русскому народу, ибо Чемберленъ въ пламенныхъ строкахъ своихъ словами высказалъ ясно и просто то, что арійскій міръ давно чувствовалъ и инстинктивно понималъ.

Что касается слѣдующаго завѣренія жиду Лукіаня, будто бы въ Россіи антисемитизмъ создавался искусственно, то и это, какъ вся его статья, — великая ложь! Мы выше уже говорили, что антисемитизмъ создается стихійно, что онъ слѣдствіе жидовскаго засилія, и еще разъ это подчеркиваемъ. Почему нѣтъ въ Россіи противотатарскаго движенія, или грузинскаго? Да потому, что эти народности, будучи по природѣ своей не паразитами и отличаясь арійскимъ (пусть инстинктивнымъ!) благородствомъ духа, не способны органически къ захвату въ государствѣ власти и господствующаго положенія, съ преступной цѣлью полного закабаленія коренного народа и его безсовѣстной эксплоатаціи.

Оказывая высокую честь жиду Лукіану разборомъ его гнусной статьи, мы хотимъ напомнить русскому читателю, до чего неразборчивы въ своихъ средствахъ достойные потомки Іуды Искаріотскаго. Они не останавливаются ни передъ чѣмъ. Какой-нибудь Лукіанъ, бездарный, но наглый жидишка, никогда не только не читавшій, но даже не издавшій книги Чемберлена, пишетъ о немъ статью и при этомъ все выдумываетъ и лжетъ, лжетъ безъ конца. Замѣьте, въ своей статьѣ Лукіанъ не приводитъ ни одной цитаты изъ Чемберлена, ни одной ссылки, а только толчетъ воду въ ступѣ и гордо воображаетъ, что занимается публицистикой. И вотъ такими-то невѣждами и патентованными лжецами, гостовыми за мѣдный пятакъ облить

грязью любого выдающегося арийца, полна жидовская газетная „литература“, взявшая мудрость подъ свое покровительство. Вотъ почему съ ея вершинъ нынѣ такъ часто раздаются ослиные крики.

А одуроченная толпа упивается этими криками и аплодируетъ имъ. Допѣвайте свою пѣсню!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Предисловіе во 2-му выпуску	3
2. О трехъ вещахъ	5
3. Философія о жидахъ	13
4. Чемберленъ и жидаы	23

ГАЗЕТЫ, ПИШУЩІЯ ПРАВДУ О ЖИДАХЪ:

1) „Гроза“. Петроградъ, 3 я Рожд. д. 16. Ц.—на годъ	3	”	—	”
2) „Двуглавый Орелъ“. Кіевъ, Б. Владимір- ская, д. 16.—Ц. на годъ	6	”	—	”
3) „Земщина“. Петроградъ, Шпалерная, д. 48. —Ц. на годъ	6	”	—	”
4) „Кіевъ“. г. Кіевъ, Пушкинская ул., д. 6. —Ц. на годъ	8	”	—	”
5) „Русскій Стягъ“. Москва, Арбатъ, д. 29. —Ц. на годъ	3	”	—	”
6) „Русское Знамя“. Петроградъ, Шпалерная, д. 26.—Ц. на годъ	6	”	—	”
7) „Саратовское Вѣче“. Саратовъ, Царицын- ская ул., д. 109.—Ц. на годъ	2	”	—	”

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВА

„ИЗУЧЕНІЕ ІУДЕЙСКАГО ПЛЕМЕНИ“.

№ 1. Обряды жидовскіе	—	р.	10	к.
№ 2. Тайна крови	—	”	20	”
№ 3. Происхожденіе слова „жидъ“	—	”	20	”
№ 4. Жидовѣдѣніе	—	”	10	”
№ 5. Жертвы изувѣрной религіи	—	”	30	”
№ 6. Убой скота жидами	—	”	20	”
№ 7. Жиды во Франціи (печатается)	—	”	—	”
№ 8. Мораль Талмуда	—	”	10	”
№ 9. Израиль	—	”	40	”
№ 10. Неофиты	—	”	30	”
№ 11. Израиль 2-й выпускъ	—	”	40	”

Продаются въ „Русской Книжной Лавкѣ“ — Петроградъ, Пушкинская, д. № 16. Тамъ-же всякаго рода книги и жидо-обличительныя.

На пересылку надлежитъ прилагать на каждый рубль покупки 20 коп.

2007053234